

и так метко определять пути литературной эволюции, понимаемой как одно из проявлений и вместе орудий развивающегося национального самосознания. Поэтому, невзирая на то, что критика Белинского изобилует элементами философскими и эстетическими и что ей далеко не чужды, с одной стороны, психологический анализ, с другой — направление публицистическое, мы все-таки скажем, что в существе дела Белинский не был критик-философ, эстетик, психолог и публицист, а что он был по преимуществу *критик-историк*, и что в русской литературе ему должно быть отведено почетное место не только как основателю нашей литературной критики, но и как писателю, которому принадлежит почин в установлении основ рациональной истории новой русской литературы.

В. Г. КОРОЛЕНКО

Памяти Белинского

В нынешнем месяце истекает ровно 50 лет со дня смерти Виссариона Григорьевича Белинского. Прошло полвека с тех пор, как перестало биться одно из самых чутких сердец и угас самый подвижной, беспокойный, пламенный ум, страстно, мучительно и искренно искавший истины, никогда не боявшийся расстаться с тем, что он признавал заблуждением, и пуститься в новый путь, для новых исканий. Полвека! Это, как известно, более, чем средняя продолжительность жизни. Как мало осталось людей, которые жили и думали одновременно с Белинским! Как много родившихся в год его смерти тоже сошли ужа со сцены! Целая человеческая жизнь, целое поколение, масса жизней, своего рода биологический пласт залег между последним вздохом Белинского и настоящей минутой, когда, благодаря этому юбилею, его образ оживает в нашем воспоминании. И однако оживает светлый и ясный, как будто ничто не отделяло нас от него, как будто он жил с нами все время, не переставая стремиться и пламенеть, спорить и отрекаться, как во время своей недолгой жизни.

Да, 50 лет много времени. Мы давно уже не читаем большинства из тех книг, которые разбирал Белинский, о многих только и знаем потому, что их Белинский разбирал. Нужно сказать правду: часть его собственных писаний отошла уже в область истории литературы, многие страницы его сочинений читаются все реже той массой публики, для которой главным образом и назначены книги, и тревожатся чаще рукой специалистов-историков. Но эти же 50 лет показали ясно, что для сочинений Белинского в целом уже не будет смерти в обычном значении этого слова. Некоторые из них останутся всегда живыми, как и те творения, которым они были посвящены, которые они объяснили и осветили раз навсегда. «Нет, весь я не умру», — мог бы сказать Белинский вместе с великим поэтом, и пока будет звучать русская речь, до тех пор, наряду с именами Пушкина, Лермонтова и Гоголя, каждое новое поколение будет вновь и вновь слышать имя Виссариона Белинского и перечитывать его пророческие страницы.

Но и помимо этой формы посмертной жизни писателя в умах последующих поколений, помимо существования его книг, возобновляемого в целом или частью на печатном станке, — есть еще другие формы этой жизни. Мы не говорим уже о том, что в каждом новом творении литературы, в каждой живой статье, стихотворении, рассказе и философском трактате, во всем этом многоголосом хоре, который мы называем своей литературой, — возобновляются и звучат давно смолкшие голоса и оживают давно угасшие мысли людей, думавших и писавших ранее, «их же имена Ты, Господи, веши!» Это все-таки мы называем смертью. Ведь и над каждой могилой зарождается новая жизнь: в аромате цветка, в колыпании травы, в шепоте буйной листвы намогильного дерева мы слышим веяние жизни, истлевшей под могильным дерном, растворившейся безлично, но не бесследно в общем, никогда не останавливаемом жизненном потоке.

Белинский живет для нас, будет жить всегда не только этой безличной жизнью. Кроме той массы идей, которые он в течение своей недолгой карьеры пустил в обращение, которыми мы и за нами наши дети будут пользоваться, не всегда даже связывая их с первоисточником, — кроме стольких-то печатных томов и страниц, Белинский завещал нам еще цельный, живой образ, который останется навсегда, наряду с лучшими созданиями гениальнейших поэтов.

Этот образ — он сам, с его страстной жадной истины, с его исканиями и искренностью.

Искренность была главная черта Белинского, и притом искренность в лучшем, самом глубоком значении этого слова. Знаете ли

вы, что такое искренность, — спрашивал, помнится, Помяловский. Это то свойство человека, когда он не способен к тени обмана, не только перед другими, но и перед самим собою. Мы так склонны держать истину, всю истину, в собственном обладании, мы так рады этому обладанию, что готовы пожертвовать многим для того, чтобы не расстаться со своей уверенностью, порой даже с ее иллюзией. Как часто случается, что человек уверяет себя и других, что он обладает истиной, когда она давно уже подточена в его душе темными сомнениями, как часто мы продолжаем курить фимиамы перед алтарями, которые давно уже покинуты божеством, или начинаем курить их перед такими, где божества никогда не было. Нет, — чутко прислушиваться к голосу, хотя бы самому тихому, самому робкому голосу сомнения, не заглушать его в темных углах души, а вызвать из этой глубины на свет сознания, прислушаться к нему, как к тихому лепету ребенка, устами которого, быть может, скоро заговорит твердый голос новой истины, — и не успокоиться, не примириться с собой до тех пор, пока в уме останется хоть тень неуверенности, пока она не смолкнет, побежденная, или не даст новой истины на место старой — вот что такое искренность мыслителя и писателя.

«Неистовый Виссарион», как его называли друзья, останется для нас навсегда лучшим воплощением такой искренности. всю жизнь он горел этой жадой, вся его жизнь — это неустанное стремление к такой чистой истине, не омраченное ни тенью сделок с собой, ни тенью компромисса с ложью. Он пламенел восторгами уверенности более, чем кто-либо другой, когда считал, что нашел ее, он страдал, когда являлось сомнение, глубже всех своих сверстников, и однако он скорее всех готов был отречься от того, что перестало быть истиной в его глазах. Кто знает, быть может, он именно оттого сгорел так быстро. К нему более, чем к кому бы то ни было, приложимо скорбное восклицание поэта:

Братья писатели, в вашей судьбе
Что-то лежит роковое...¹

Жизнь Пушкина и Лермонтова прекращена случайностью выстрела, Писарев утонул, Помяловский, Левитов и многое множество других писателей сами сокращали свою жизнь недугом, который еще Гоголь назвал «недугом талантливых людей»... Целая масса причин усложняла явление, в среднем выводе называемое «роковой судьбой» русского писателя. Только в жизни Белинского оно является в чистом виде, в виде ничем не затемненной и не усложненной борьбы духа,

того пламенного сгорания нервов среди окружающей тьмы, которого и одного достаточно для объяснения «почему он так скоро сгорел». Это был истинный рыцарь духа, без страха и упрека, и русская литература всегда с гордостью будет обращать на него взгляды, как на своего подвижника и святого!

И это — быть может, самая бессмертная доля того, что нам осталось от Белинского. Поэзия дала нам идеальные образы, — но мы не можем забыть, что настоящий дон Карлос был только хилый и слабый волею отпрыск вырождающегося дома, что маркиз Поза жил только в воображении Шиллера, что действительная Мария Стюарт и жила, и умерла совсем не так, как в бессмертной драме. Между тем кристально чистый образ Белинского не разрушит уже никакая самая придирчивая историческая критика. Он был именно таков, и его жизнь, скристаллизовавшаяся в его творениях, письмах, поступках, выдерживает сравнение с самыми идеальными творениями фантазии с несомненным преимуществом полной реальности.

Около четверти века назад Некрасов вздыхал о том времени, когда народ

Не генерала строгого
И не милорда глупого,
Белинского и Гоголя
С базара понесет².

С тех пор прошло почти 3 десятилетия, в которые российский прогресс двигался своим неторопливым и неровным ходом, а мы все еще далеки от этого времени. Правда, газеты приносят то и дело известия, что в том или другом городе думы или просветительные общества собираются чествовать память великого русского критика. В Саратове инициатива принадлежит литературно-художественному обществу, в Самаре вопрос внесен в думу; в то время, когда читатель будет пробегать эти строки, родина Белинского, Пенза, соберет у себя много интеллигентных людей в память Белинского³. Но народ еще не знает его имени, к нему оно достигает разве отдаленными смутными отголосками. Вскоре после смерти Белинского многомиллионная масса русского народа получила свободу и (теоретическое, правда) равенство перед законом. Предстоит еще длинный путь до того исторического пункта, в котором исчезнет великое неравенство перед образованием. Белинский верил, что оно наконец исчезнет; для нас это уже не только вера, а убеждение, оправдываемое хотя бы и тихим, но несомненным направлением общественного движения.

А если так, то несомненно, что и мечта Некрасова сбудется, потому что, сколько бы ни понадобилось для этого времени,— образ Белинского уже не померкнет. Он пережил свой период испытания и остался нетленным, в ожидании, когда к нему проложится и уже

...не зарастет народная тропа!

П. Л. ЛАВРОВ

Аннибаловы клятвы.

По поводу памяти Белинского

Послано для прочтения 7 мая 1898 года
на собрании русских*

Сегодня русская колония в Париже как бы заявляет свою солидарность с многочисленными собраниями русских, чествующих в этом году память одного из самых крупных деятелей нашей литературы и нашего общества. Перед русскою интеллигенциею 90-х годов этого века встали многочисленные вопросы, которых не знали люди его первой половины. Разнообразны слои этих жизненных вопросов, волнующих новые поколения и вызывающих в них сознание общего дела и сознание разницы в соперничающих фракциях; но, под этими слоями, добросовестный наблюдатель признает одну и ту же старую почву: и новое общее дело, и частные задачи новых фракций русской интеллигенции выросли на той почве, которую выработали литературные энтузиасты 40-х годов,

* Эту речь я имел в виду лично прочесть на русском собрании в память Белинского, но болезнь помешала мне исполнить это намерение. Кроме того способ созыва этого собрания навел меня в последнюю минуту на мысль, что на него, как и на дозволенные собрания в России по тому же поводу, могут сойтись такие мои соотечественники, которым будет *неудобно* выслушивать эту речь в том виде, как она написана. Я и послал ее для прочтения в несколько смягченной форме. Здесь ничто не мешает поместить ее в первоначальном виде.